

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ
КОНЕЦ ЛЕТА
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НЕГОДЯЙ
ЧУДО
СЕЗОН СТРАСТИ
ФРАНЦУЗСКИЕ КАНИКУЛЫ
СОКРОВЕННЫЕ МЕЧТЫ
ГОРЬКИЙ МЕД
СМЯТЕНИЕ
НЕРАЗЛУЧНЫЕ
ВЫСШАЯ МИЛОСТЬ
ПОД ПРИКРЫТИЕМ

ДАНИЭЛА СТИЛ

ПОД ПРИКРЫТИЕМ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Danielle Steel
UNDERCOVER

Copyright © 2015 by Danielle Steel

Перевод с английского *В. Гришечкина*

Художественное оформление *С. Власова*

Стил, Даниэла.

С80 Под прикрытием / Даниэла Стил ; [пер. с англ. В. Гришечкина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-099179-2

Юную красавицу Ариану Грегори похищают в Аргентине террористы-революционеры. Спецслужбам удается вернуть героиню домой, но, пораженная стокгольмским синдромом, она всеми силами рвется назад в джунгли, туда, где внезапно нашла и так же внезапно потеряла свою любовь. Спасти Ариану от себя самой и от коварного врага удастся молодому сотруднику спецслужб, который случайно оказывается в нужном месте в нужное время. Казалось бы, опасности позади, однако призраки прошлого возвращаются.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099179-2

Моим замечательным детям —
Битти, Тревору, Тодду, Нику, Сэму,
Виктории, Ванессе, Макс и Заре.
Вы — мое главное сокровище, и
я люблю вас сильнее, чем можно
выразить словами. Пусть трудно-
сти, которые вам встретятся, будут
маленькими, а победы и достиже-
ния — большими.

*С любовью,
ваша мамочка / Д. С.*

МАРШАЛЛ

Глава 1

Солнце еще не успело осветить верхушки деревьев, а оглушительный птичий щебет, наполнивший густые джунгли к югу от Боготы, уже возвестил о приходе еще одного тропически жаркого дня. Скрипнула дверь убогой хижины, крытой пальмовым листом, и на порог шагнул Пабло Эчеверрия, загорелый широкоплечий мужчина — длинные волосы заправлены за уши, короткая борода скрывает упрямый подбородок, взгляд карих глаз придирчив и цепок. В хижине они жили вдвоем — Пабло и его молодая жена Палома. Она ждала ребенка, для обоих он был первым и должен был появиться на свет совсем скоро, и будущая мать не торопилась пробуждаться с зарей. В отличие от смуглого Пабло Палома была светложерой и светловолосой, и ее имя, Голубка в переводе с испанского, подходило ей как нельзя более. Она и впрямь была олицетворением света и мира в этих глухих и враждебных джунглях, где они поселились почти три года назад. Пабло был правой рукой ее брата Рауля, одного из самых богатых и влиятельных колумбийских наркобаронов, и почти постоянно пропадал в каком-нибудь из полевых лагерей. Рауль тоже жил в джунглях, хотя в фешенебельном пригороде Боготы у него была вилла, настоящий королевский дворец. Туда он, однако, наезжал исключительно редко, предпочитая самолично следить за торговыми и транспортными операциями, выполнявшими его людьми.

В Колумбию Пабло приехал из Эквадора. Поначалу он был просто курьером, переправляющим наркотики через границу, но дерзкая удачливость и сметливость позволили ему выдвинуться, так что Рауль, осторожный и подозрительный, проникся к нему доверием. Подчиненные называли Рауля Эль Лобо, Волк, и он действительно был хитрым, жестоким, недоверчивым и опасным, как настоящий хищник. Прежде чем приблизить к себе Пабло, Волк устроил ему не одну проверку, но каждый раз тот оказывался на высоте. Ничего подозрительного Раулю выискать не удалось.

Рауль знал о Пабло, что тот был единственным сыном эквадорского генерала, убитого мятежниками во время очередного правительственного переворота, и, потеряв все привилегии, какими он когда-то пользовался как член семьи высокопоставленного лица, решил подзаработать на торговле наркотиками — тогда-то и дошел до него слух о Рауле-Волке, заправляющем сбытом наркотиков в соседней стране и проворачивающем самые дерзкие в тех местах операции. Воспользовавшись удобным случаем, Пабло предложил Раулю свои услуги посредника. Они мгновенно сработались, совместное деловое будущее обещало быть весьма плодотворным, и Пабло вовсе перешел под начало властного колумбийца, сделав за три года неплохую карьеру.

Однако держали здесь Пабло вовсе не только деньги, которые он заработал на выполнении поручений босса. Главным его призом стала сестра Рауля — Палома. Никакой брачной церемонии они, разумеется, не устраивали, но кого в дебрях джунглей это станет заботить? Впрочем, Пабло твердо решил, что они честь по чести поженятся сразу после рождения их малыша. Пока же он продолжал работать на брата любимой — тот был очень доволен и исходом спланированных им операций, и тем, что его младшая сестренка попала в такие надежные руки. Волк

прекрасно видел: его молодой помощник не только умен и прозорлив, но и обладает поистине выдающимися деловыми качествами для подсудной торговли дурманом. Помимо всего этого, Пабло оказался во многих отношениях человеком достойным, что было немалой редкостью для всех ветвей криминального бизнеса, где крутились баснословные деньги. В противном случае Рауль и близко не подпустил бы его к сестре, которую он любил в силу своего разума.

Его нисколько не беспокоило, что беременность Паломы протекает в дремучих джунглях и что за восемь месяцев ее ни разу не осмотрел доктор. Необходимость врачебного наблюдения просто не приходила ему в голову. Несмотря на все свои деньги и виллу-дворец, в душе Рауль оставался заскорузлым колумбийским крестьянином и был беспечно уверен, что у его девятнадцатилетней сестры хватит здоровья, чтобы выносить и родить ребенка хотя бы и в джунглях — без какой-либо помощи медиков с их дипломами, которых он считал не заслуживающими доверия проходимцами. Сама Палома, надо сказать, придерживалась похожих взглядов; Пабло она заявила, что рожать будет здесь, в хижине, и он тайком почитывал медицинские справочники, на всякий случай прикидывая, чем он сможет помочь, если что-то пойдет вдруг не так. О том, что при каких-либо осложнениях можно будет отвезти роженицу в Боготу, речи не шло: добраться до города можно было лишь за два с половиной часа, да еще по столь скверной дороге, что она могла бы убить и здорового. И Пабло штудировал все, что было ему доступно по части родовспоможения. Впрочем, он втайне надеялся, что все обойдется и что молодой организм его возлюбленной справится с родами, как до нее справлялись с этим извечным делом многие тысячи колумбийских женщин.

Рауль был на двадцать с хвостиком лет старше сестры. Пабло исполнилось двадцать восемь, но относительная молодость не помешала ему стать вторым человеком в империи Волка: отпущенные ему природой качества, какими он был наделен со всей щедростью, удержали его от ошибок, совершаемых большинством новичков. Не зря Рауль сразу же разглядел в нем талантливое заправилу и изощренного конспиратора, а справки, которые он навел в Эквадоре о приглянувшемся ему парне, лишь подтвердили то, что он нюхом учуял. Пабло еще ни разу его не подвел, и Рауль, весьма гордившийся своим умением правильно подбирать людей, мог поздравить себя с отличным приобретением. Все указания босса Пабло выполнял так, что не придраться, и ни одна закупочная или транспортная операция не сорвалась по его вине. За три года он не допустил ни единого промаха, что не могло не внушить Раулю невольного восхищения подчиненным.

Пабло не страшила простая, в бытовом отношении почти примитивная жизнь, какую ему приходилось вести в лагере. Он беспрестанно ездил по поручениям Рауля и в Боготу, и в Картахену, но неизменно возвращался назад без задержек и проволочек. Так называемых радостей цивилизации для него словно не существовало. Его не тянуло ни на спиртное, ни в казино, так что Рауль волей-неволей проникся к нему братскими чувствами. Да и с другими обитателями лагеря Пабло сблизился легко. И еще у него была Палома, с нетерпением ждущая его возвращения, — можно ли ласки любимой женщины променять на купленные удовольствия в компании самых дорогих столичных путан? К слову, отдельную хижину в джунглях Пабло построил своими руками: до этого он целый год жил с людьми Рауля в списанной армейской палатке, но близость с Паломой потребовала не только большего уединения, а и такого места, где их никто бы не потревожил, даже если они просто молчат и без слов

угадывают чувства друг друга — и потребность такого единства в молчании обострилась у Паломы, едва она почувствовала в себе зарождение новой жизни.

С детства Палома привыкла обходиться малым и была непривередлива и некапризна, что было неудивительно: она выросла тут же, в лагере, куда Рауль перевез ее сразу после смерти родителей. Здесь Палома долгое время оставалась единственной особой женского пола, и, хотя никакие опасности ей не грозили, кроме Рауля, ее опекали еще трое родных и без счета — двоюродных братьев, также работавших на Лопеса-старшего. Пабло Палома заметила едва ли не раньше, нежели ее брат, да и сам Пабло тоже не мог не задержаться на ней взглядом. Сближение произошло стремительно — их потянуло друг к другу, и даже Рауль, который до того момента зорко оберегал сестру, не стал чинить влюбленным препятствий, что, впрочем, свидетельствовало лишь о том величайшем доверии, какое успел завоевать в его глазах сын эквадорского генерала. В противном случае Пабло было бы просто не на что рассчитывать — разве что на быструю смерть, ибо с чужаками в лагере не церемонились. То, что Рауль-Волк не только отнесся к увлечению сестры благосклонно, но и фактически благословил их союз, было самым настоящим чудом, ибо породниться с семьей Лопесов было и честью, и привилегией.

Пабло, казалось, совсем не задумывался о том, какое доверие ему оказано. Он изначально повел себя независимо — и так, словно главным для него была любовь Паломы, а отнюдь не благорасположение ее могущественного брата. Палома, ее удивительная красота, ее мягкие светлые волосы и свежий, сводящий с ума запах — он ощущал его всякий раз, когда по вечерам ложился рядом с ней на циновки, — ее мягкость и нежность, а сейчас даже ее раздувшийся, куполообразный живот, в котором брыкалось их дитя, — все это стало для него высшей на-

градой, и ничего другого Пабло для себя не желал. По ночам, когда они, обнявшись, спали, он часто чувствовал толчки в чреве Паломы, и этого хватало, чтобы до краев наполнить его сердце нежностью.

Раулю хотелось, чтобы у сестры родился мальчик. Пабло было все равно, хотя он благоразумно не говорил этого вслух. Главным для него было, чтобы роды прошли без осложнений и чтобы ребенок появился на свет здоровым и крепким, а кто это будет — мальчик или девочка, — не имело существенного значения. Палома, кажется, тоже предпочтения не имела. Она вообще вела себя очень храбро и нисколько не боялась того, что ей придется рожать в этих первозданных условиях. «Ничего, я справлюсь, — с улыбкой говорила она в те моменты, когда Пабло предлагал заранее отвезти ее в город. — Не я первая рожая на этом свете, не я последняя!» При этом в ее голосе звучала такая уверенность, что он и сам невольно переставал сомневаться в благополучном исходе родов.

Сейчас на Пабло был старый армейский китель эквадорского образца, тонкая фуфайка, свободные камуфляжные брюки и армейские ботинки. С наслаждением потянувшись, он окинул внимательным взглядом поляну, где был разбит лагерь, и закурил сигарету. Запрокинув голову, Пабло выпустил струю дыма в стремительно светлеющее небо. Мысли его были о Паломе. В последнее время она быстро уставала и то и дело норовила прилечь отдохнуть, что уж говорить о ночном сне, поэтому он старался выскользнуть из хижины как можно тише, чтобы ненароком не потревожить ее. Рабочий день Пабло начинался чуть свет — и с чашки немилосердно крепкого кофе, которую он выпивал с Раулем в его палатке. За кофе они обычно обсуждали план действий на ближайшее время, дела текущие. Они в последнее время шли отменно: Рауль сумел установить выгодные связи с производителями наркотиков в Панаме, Эквадоре,

на Арубe, в Венесуэле и Боливии и экспортировал кокаин едва ли не тоннами, доставляя его в Мексику, Канаду, Соединенные Штаты, Африку и Европу. Наркотики перевозились пешими и конными караванами, автомобилями, самолетами и вертолетами, а также морскими судами или быстроходными катерами, которые загружались главным образом в Картахене, а оттуда двигались в порты других стран. Пабло отвечал за эти транспортные операции, замысловато координируя их, потому-то в отличие от Рауля-Волка, который заправлял дурманым бизнесом из своего «логова» в лагере, ему и приходилось колесить, следя за всем и докладывая по приезду обо всех тонкостях и деталях боссу.

Надо заметить, обширной подпольной империей Рауль управлял по-военному четко. В незаконной наркоторговле он слыл чародеем, если не сказать гением от криминала, и его организация функционировала как хорошо отлаженный механизм, принося колоссальную выручку. Одного этого было достаточно, чтобы проникнуться к нему уважением, тем более что наркоимперию он создавал сам, раз от раза расширяя охват территории. Теперь он держал под контролем подавляющую часть Южной Америки и почти все государства Центральной Америки. Пабло был его самым ценным агентом, но все в лагере знали, что единственный властелин незаконного промысла — это Рауль. В его голове рождались все операции, и прибыль кокаинового синдиката с каждым годом неуклонно шла в гору.

Докурив сигарету, Пабло зашагал через поляну к палатке Рауля. Это была обычная военная палатка — искусно замаскированная, так что с воздуха была не видна, однако ни единая живая душа в лагере не могла быть уверена, что главарь ночует именно там. Где проводит ночи Рауль, не знал даже Пабло, хоть они и встречались здесь каждое утро. Люди в лагере без зла зубоскалили,

что-де Волк спит в джунглях с другими волками, вот отчего ночью в палатке его никогда не бывает. Не охочий до женщин, Рауль не то чтобы ими не увлекался, но он считал их скорее помехой, чем удовольствием, поэтому даже проститутки из Боготы в лагере появлялись нечасто. Длительных отношений Рауль ни с кем не завязывал и добродушно посмеивался над романтическим увлечением, «прилепившим» Пабло к его сестре. С его точки зрения, это, безусловно, была невероятная слабость, но, поскольку речь шла о Паломе, Рауль был склонен закрывать глаза на этот изъян помощника, тем более что Пабло обращался с любимой трепетно. Будучи до мозга костей деловым и практичным, Рауль ценил в соратниках одно только качество — преданность. И все, кто на него работал, действительно были слепо преданы своему вожаку; в их верности можно было не сомневаться. Если же кто-то все-таки подводил Рауля, пусть ненамеренно и невзначай, виновник очень быстро исчезал без следа. Волк не выносил, когда обманывали его доверие, и никакие причины — включая родственные связи, привязанности или иные жизненные коллизии — не могли служить в его глазах оправданием для предательства или халатности.

Когда Пабло, пригибаясь, вошел в палатку, Рауль сидел за складным походным столиком и курил дорогую гаванскую сигару «Ромео и Джульетта» нумерованной серии. Увидев помощника, он, по обыкновению, предложил и ему сигару, но Пабло, как в большинстве случаев, отказался. Иногда, правда, он все же выкуривал с боссом сигару, но только вечером, перед тем как отправиться в свою хижину. Сигара с утра, да еще натошак, была слишком серьезным испытанием для его легких и для желудка, даром что крепкий, густой аромат отборного кубинского табака ему нравился. Пабло сам привозил Раулю из Боготы эти сигары, когда у того кончался запас — достать их в столице не составляло труда, хоть стоили

они и недешево, однако Рауль не скупился, когда речь шла об удовлетворении его желаний. Лесная полудикая жизнь не сделала его вкусы в чем-то менее утонченными, и ничего удивительного Пабло в этом не находил. Он знал, что образование Рауль получил в Европе и два года учился в Оксфорде, причем не просто «отбывал номер», а действительно изучал право и экономику. Поговорить с ним всегда было увлекательно, и по вечерам, за сигарой и стаканчиком бренди, они, бывало, вели долгие беседы на самые разные темы, благо Пабло тоже получил неплохое образование и мог поддерживать разговор не только в тех случаях, когда речь шла о бизнесе.

Поднявшись навстречу Пабло, Рауль дружески хлопнул его по спине, после чего двое мужчин тепло обнялись, словно родные братья. Они и внешне были похожи, хотя Пабло был моложе и выше босса и к тому же пребывал в завидной физической форме (Рауль с годами сделался несколько грузноват). Дело, однако, было не в темном загаре и не в военной форме, которую оба носили как наиболее подходящую для джунглей одежду. Главное сходство их было в жестах, в повадках, в манере держаться, выдававших в них людей сильных и самоуверенных.

— Как поживает моя толстуха-сестрица? — чуть иронично улыбнулся Рауль и, жестом пригласив Пабло садиться, налил ему большую кружку крепкого кофе, который он варил сам и поглощал литрами, не выпуская кружки с кофе из рук почти никогда.

— Растолстела еще больше, — тоже с улыбкой ответил Пабло, поддерживая тон Рауля. — Думаю, теперь уже скоро... — Пабло, хоть и проявлял готовность шутить, продолжал быть в беспокойстве о том, как пройдут роды, но говорить вслух об этом не стал. Каждый раз, когда ему случалось так или иначе выдать свою тревогу, босс называл его трусливой старухой. Привязанность «к бабьей юбке» он мало того что не одобрял, но считал ее рас-